

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ЕВГЕНИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ МАЛЫШКИН

Доктор философских наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: malyshkin@yandex.ru

ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА ГАФАРОВА

Кандидат философских наук,
доцент Белорусского
государственного университета,
Минск, Беларусь
e-mail: gafarova@tut.by

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ПОГРЕБНЯК

Кандидат экономических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: aapogrebnyak@gmail.com

УДК: 005+334.7.01

DOI: 10.24411/2079-0910-2019-13005

Неизбывность распределенных вещей: соседство и богатство

В статье исследуется понятие шеринговой экономики. Тематизируется способ анализа экономических структур с помощью понятий распределенности и неизбежности. Распределенность (дистрибутивность, то есть отношение, возникающее в экономике совместного потребления) понимается как существенная характеристика вещей, способная диктовать формы общественных отношений. Предложено развернутое определение хорошо распределяемых вещей. Способность вещей выступать в качестве распределенных обладает и прагматической притягательностью, и особой динамикой, которая зависит от класса, к которому принадлежит

распределенная вещь; кратко описаны классы дистрибутивных вещей. Если всеобщий и единственный классы редки, то особенный, ограниченный класс дистрибутивности позволяет формироваться шеринговым сетям. Показано, в каком смысле право исключительной собственности зависит от отрицательного класса дистрибутивности. Само свойство распределенных вещей не убывать в шеринге, неизбежность, следует отличать от понятия ресурса: если последнее выступает материей для относительной автономии экономических отношений, то первое само диктует правила, по которым строятся отношения внутри шеринговой сети. Показано, в каком смысле источником богатства в экономике совместного потребления оказывается неизбежность, описаны условия, при которых шеринговые формы экономических отношений проявляют неизбежность вещи: соседство, отъединенность, забота.

Ключевые слова: шеринговая экономика, экономика совместного потребления, распределенность, классы дистрибутивности, неизбежность.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований и Российского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ–РФФИ) в рамках совместного научного проекта № 18-511-00018 Бел_а, № Г18Р-181 («Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм»).

Хорошо и плохо распределенные вещи

Шеринговая экономика, став модным мемом, не заняла сколько-нибудь заметного места на рынке. Если сетевые структуры, такие как BlaBlaCar или Airbnb, развиваются, то небольшие компании (общую схему работы которых можно описать примерно следующим образом: возьми что-то, чем не хочешь владеть, напрокат и заплати несколько долларов) так и не заняли существенного места на рынке¹. В общем случае, после нескольких лет воодушевления и надежд, можно констатировать: то, что продается под именем шеринга, но использует традиционные формы хозяйствования, аренду и ренту, выживает, экономика же совместного потребления нового типа так и не нашла для себя нужной формы.

Энтузиазм, как представляется, опирался на то, что новые формы хозяйствования помогут отыскать новый тип владения, достаточно далекий от традиционного капитализма, чтобы адекватным образом указать на формы совместного потребления, ставшие возможными благодаря развитой информационной среде и плотной городской инфраструктуре, но отличающийся от ограничений коллективной ответственности, отягощенной памятью о социалистических лагерях.

Но если шеринговая экономика не сделала сколь-нибудь заметных успехов, это не означает, что существование шеринговых вещей не требует дополнительного продумывания. В известном тезисе, который приписывается Бернарду Шоу: «Если у тебя есть яблоко и у меня есть яблоко, и мы обменяемся этими яблоками, то у каждого из нас будет одно яблоко... Если у тебя есть идея и у меня есть идея, и мы об-

¹ Популярный, но убедительный обзор успешных и неуспешных шеринговых проектов см.: <https://fb.ru/story/sharing-economy-is-dead/> (дата обращения: 23.05.2019).

меняемся этими идеями, то у каждого из нас будет по две идеи» [*Quote Investigator*], речь идет не о платоновских идеях, а попросту об интересных проектах, которыми можно поделиться так же, как мы делимся радостью или печалью: отдав, ты не теряешь. Однако именно концепцию эйдоса, сформулированную Платоном, можно назвать одним из первых успешных описаний хорошо распределенной вещи.

Собственно, начало разговора о хорошо распределенных вещах совпадает с началом истории метафизики: красота, благо, бытие — это как раз то, к чему хотя и затруднительно приблизиться отчетливым уразумением, но что все же обладает некоей неизбывностью: горшки бьются, но красота лишь отступает, и всегда есть возможность обнаружить ее заново. Или: сколько бы мы ни считали числами, сами числа всегда будут себе равными, они не испортятся, не кончатся, они всегда доступны, ими попросту невозможно пользоваться в одиночку.

Но с такого рода предметами мы имеем дело, по всей видимости, гораздо чаще, чем с числами или школьной трактовкой эйдосов: это и воспитание детей, и правила дорожного движения, и умение отмерять время по часам, и многое другое.

Чтобы уточнить, что мы будем называть распределенными (шеринговыми) вещами, попробуем определить их признаки. Хорошо распределенные вещи имеют следующие характеристики:

- *правила* обращения с ними понятны и легко осваиваются;
- сами вещи обладают таким качеством, как *неизбывность*. Это значит, что совместное или частное использование не наносит им заметного урона также и в долгосрочной перспективе, тогда как отказ от их использования существенно сужает жизненный мир;
- можно и нужно использовать их совместно, заботу о них легко *передоверить*, т. е. они не требуют индивидуального владения;
- совместное их использование приводит к получению примерно равной выгоды² для всех пользователей, то есть они создают некоторое *богатство*.

Числа, однако, как принято думать, отличаются от правил дорожного движения: если для последних существенно изменение, и плохи те правила, которые не подстраиваются под изменения трафика, то числа остаются одними и теми же. Они остаются тождественными себе независимо от того, кто считает и при каких

---

² Сама идея получения равной выгоды, разумеется, возможна только в определенной исторической перспективе. Она имеет смысл лишь в условиях, ориентированных на формирование автономной субъективности. Именно поэтому мы принимаем идею шеринговой экономики как актуальную: не только соотносящуюся с новоевропейским горизонтом субъективности, но и показывающую ее возможные границы. Архаические и традиционные общества изначально нацелены на формирование иерархии путем деятельности по распределению. Опираясь на идеи Карла Поланьи, следует указать, что архаический формализованный обмен основан на идее использования ритуальных акций для перераспределения и укрепления статуса. Взаимообмен благами между членами социальной горизонтальной сети представляет собой особый тип социальной интеграции. Изначальной характеристикой социальных связей такого рода является то, что разница между отданным и полученным измеряется в форме социальных привилегий. Поланья полагает, что подобного рода распределение благ не создает богатства [Поланья, 2002, с. 55]. Лишь в XIX столетии социальные нормы стали вытесняться экономической целесообразностью, а социальный статус человека стал зависеть от его капитала. Таким образом, создание богатства в шеринговых структурах имеет исторические рамки, описание которых — дело отдельного исследования.

обстоятельствах. И все же на одно обстоятельство счета нам необходимо указать, чтобы сблизить понятие числа с тем значением неизбытности, с которым мы встречаемся в счете временно определенных вещей. В работе «Не лишенный изящества опыт абстрактных доказательств» Лейбниц пишет, что, складывая тождественные величины, в сумме мы не получаем чего-то отличного от единственного слагаемого, т. е. «если что-то берется с самим собой, то ничего нового не составляется» [Лейбниц, 1984, с. 634]. Запишем, для контраста, два высказывания рядом:

$$A+A=A \quad (1)$$

$$1+1=2 \quad (2)$$

Здесь A — любая тождественная себе величина, о которой нельзя сказать, что она есть число. Как пишет сам Лейбниц, «разумеется, что касается чисел, то $2+2$ дадут 4, т. е. две монеты, прибавленные к двум, дадут четыре монеты, но в этом случае две прибавленные монеты — не те же самые, что две первые. Если бы они были теми же самыми, ничего нового не получилось бы» [там же].

Таким образом, когда мы говорим о равенстве, а не о тождестве, мы меняем правила счета. Каждая из единиц в (2) — это и единое как такое-то число, тождественное себе, но и нечто иное и по отношению к другой (соседней) единице, и по отношению к числу. Другая единица, в свою очередь, такая же: она и другая, и та же самая, поскольку указывает на то же число. В счете единиц, таким образом, содержится некое допущение: что бы ни попало в качестве другого, оно подойдет под определение единого как такого же. То же самое допущение справедливо и в отношении другого: что бы мы ни обозначили как другое, оно и одно, и другое по отношению к уже названной единице. Что бы мы ни считали, мы будем иметь дело с этим допущением. Оно всеобщее, но обладает некоторой динамикой: если другое в единице не подойдет для счета (а нельзя отрицать, что так не может случиться), мы либо преобразуем его в подходящее, счетное, либо откажемся от него в пользу какого-то другого, «нормального» другого.

Всеобщее, таким образом, организовано счетом, но допущения, при которых счет возможен, требуется эксплицировать. Счет, с самого простого, $1+1$, организован не только рационально, но и риторически, в этой риторике таится некое усилие или даже насилие. А в понятии числа содержится некая власть, власть «нормализации» другого.

Для нас здесь важна не столько природа самого этого принуждения (то есть не понятие числа самого по себе), сколько статус другого во всяком счете единиц. Насколько значима для операции простейшего счета его динамика, то есть отказ от (возможного) несопоставимого другого в пользу «нормального». Необходимо указать, в каком смысле принуждение, обнаруживаемое нами в простейшей арифметической операции, значимо в разговоре о распределенных вещах.

Сначала необходимо показать, что иное, несовместимое с единицей, существует. Не чужое, которое противостоит всегда чему-то своему, а иное, непригодное для счета, и все же в счете значимое, коль скоро счет — это нормализация. В теории множеств существуют множества несчетные: простейшим представлением их является континуум. Но нас интересует не математика сама по себе. Если математика —

это теория отношений³, тогда нужно указать на отношение, в котором нет определенности, приводимо оно к числу или нет. Обращаясь к чему-то, мы не знаем заранее, яблоко оно или идея, т. е., к какому классу дистрибутивности оно принадлежит. Другими словами, сама дистрибутивность, распределенность (каковую мы мыслим как вполне синонимичную шеринговому) — это вызов, на который может быть не получен ответ (и тогда предмет нашего размышления будет принадлежать классу предметов с нулевой дистрибутивностью), но определить, так ли это, можно только подождав самого понимания, каковое, повторимся, может и не случиться. Это — дистрибутивное само по себе, вызов, брошенный и другим, и себе, и предмету. Дистрибутивное, таким образом, не является ни неисчерпаемым, ни исчерпаемым: вечно перебираемое (как бесконечное множество) столько же нерелевантно дистрибутивному, как и несчетное. Всякое единичное является еще и дистрибутивным. И чтобы сохранялась сама возможность счета, условием которого является распределенность, ненормализуемая инаковость другого должна сохраняться, пусть даже в виде только возможности, т. е. простого допущения.

Итак, по крайней мере, три элемента есть во всяком счете: во-первых, то, что мы считаем, принимая его за важное (будь это яблоки или деньги), это узнавание единого во всяком, во-вторых, то, что отличает одно от другого, такая инаковость, которая допускает нормализацию, принятие другого как принадлежащего тому же классу, что и посчитанное, но отличное от уже посчитанного, и, в-третьих, инаковость ненормализуемая, та самая, которая не позволяет что угодно принимать за то же самое, за одно. Нас не будет интересовать в этой статье первый и третий элемент, мы попробуем проанализировать динамику счета, нормализующее принуждение, которое существует не только благодаря тождественному и иному, но и в некотором отклике, принятом вызове.

Счет рыночный можно принять за поспешный, нефундаментальный⁴. Но аттрактивность идеи шеринговой экономики, даже при том, что идея шеринга оказалась неудачной, способна сама по себе нечто показать, какими бы причинами ни была вызвана эта аттрактивность. Более того, сегодня шеринговой экономикой принято называть экономику мелкой (или попросту необычной) ренты, то есть как раз такую, которая не имеет отношения к шерингу хорошо распределенных вещей. Для нас сейчас не важно, насколько распространены формы «подлинного» шеринга, достаточно, что где-либо существует та самая пресловутая дрель, которую принято брать у соседа, не спрашивая, чья она. Или даже камень, который принимают за между хотя бы двое землевладельцев. И, вглядываясь в то, что стало — на рынке или в землепользовании — хорошо распределенной вещью, мы увидим нечто фундаментальное, определяющее не только фундаментальность счета, но и свойство вещей, диктующих наши предпочтения в порядках счета.

Чтобы говорить о дистрибутивном владении, его необходимо отличить от двух очень похожих на него форм: коллективного владения и ренты. Отличие дистрибутивного владения от ренты, в общем, очевидно: я не владею вещью, именно потому

³ Ср.: «Какое угодно отношение есть основание <...> Математику можно, в сущности, определять как теорию отношений. Тогда здесь согласен: математика — это отдел второго рода познания, это теория отношений и пропорций» [Делез, 2016, с. 175].

⁴ См. основание для такого различения в великолепной и вдохновлявшей наши размышления статье: [Погоняло, 2007, с. 620].

я арендную некую вещь или услугу. Если мы и путаем эти две формы владения, то лишь по причине моды на словечко «шеринг».

Отличие дистрибутивного от коллективного несколько сложнее. Проще всего его показать, задавая вопрос: чья эта вещь? В последнем случае мы ответим: наша. В той мере, в какой я являюсь членом коллектива, она — моя. Я могу менять собственный статус, статус собственника, и в зависимости от выбранной роли я оказываюсь в разных отношениях с имуществом, принадлежащим коллективу. В любом случае, я никогда не являюсь полноправным владельцем: я всегда лишь часть коллектива, моя воля заведомо ограничена целями коллективного действия, я располагаю вещью (если располагаю ею легитимно) лишь в той мере, в какой я отказываюсь от себя как полноценного собственника, подчиняя свою волю коллективной. Если коллективному хозяйственнику, в самом широком смысле, нужно от вещи одно, а его члену — другое, то у колхоза всегда преимущество. Кража, если никаких других форм хозяйствования нет, оказывается закономерностью: она, конечно, нелегитимна, но легитимность, то есть законосообразность, может случиться лишь с автономным субъектом. Кража делает меня подзаконным: я сам делаю то, что мне не предписано, и если нет других способов обрести автономный статус, то коллективное будет расхищаться по необходимости. Жена, дети, только моя дрель — обыденные формы установления самости, которая, в свою очередь, является и условием создания коллективного хозяйства, и находится в полисемантических отношениях с субъектом коллективной собственности. Коллективный хозяйственник, таким образом, всегда ограничен, ему необходимо соседство иной формы собственности, чтобы быть.

Мы вовсе не утверждаем тем самым, что распределенный субъект должен прийти на смену автономному или коллективному. Напротив, в случае распределенного владения такого субъекта, как распределенный собственник, не создается. Я разве что несу ответственность за утрату или порчу, то есть я принужден заботиться о вещи и о правилах доступа к ней. Соответственно, я не подчинен в своем владении никому. Конечно, есть проблема «последнего использования», ведь всякая вещь конечна, но это проблема не формы владения, а условий договора, то есть, в конечном итоге, свойств самой вещи. Применимость же этого типа владения весьма, на наш взгляд, ограничена. Дрель действительно нужна редко. А вот сезонная обусловленность, как в случае с сельскохозяйственной техникой, обесмысливает шеринг: трактор нужен будет очень многим одновременно. Так что либо ареалы обитания дистрибутивных вещей оказываются невелики, либо предпочтительнее отказаться от шеринга в пользу других форм. Именно поэтому имеет смысл говорить не столько о дистрибутивности как способе владения, сколько о дистрибутивных вещах, поскольку именно их свойствам мы подчинены в пространстве шеринга.

Неизбывность как ключевое свойство шеринговых вещей

Образцом для понимания того, что такое неизбывность распределенных вещей, является знание. Если ты знаешь, что переходить улицу нужно на зеленый свет, то этому и обучить легко, и вряд ли когда-либо это знание будет исчерпано. Такое знание может быть отставлено, оно может стать неактуальным или вовсе быть утрачено. И все же в нем есть некое величие, несоизмеримость затраченных сил на то, чтобы стать ему причастным и того расширения жизненного мира, ко-

торое обретается в обмен на обучение. Не всякое знание обладает положительной неизбытностью: на то, чтобы доказать существование частиц, по свойствам очень похожих на предсказанный бозон Хиггса, было затрачено много средств и усилий, но изменение жизненного мира, если оно и случилось, заметно лишь немногим специалистам. Можно привести пример и противонаправленной работы знания: научившись расщеплять атом, мы не столько расширили жизненный мир, сколько сузили его, сделав хрупким, ненадежным, заставили его утратить качество неизбытности. Таким образом, динамика присуща всякой неизбытности — положительная или отрицательная.

Есть и другая опасность. Неизбытность легко понять как неисчерпаемость, как в ленинском определении электрона, и тогда мы утрачиваем интуицию обширности мира, вещи распределенные мы воспринимаем как вещи обычные, только очень долгоиграющие и оттого очень полезные. Описывать неизбытность как бесплатный и долговременный ресурс — значит попросту культивировать жадность. Работа по созданию дефицита, как, впрочем, и борьба против такого создания, проходят мимо понимания шеринговых вещей как неизбытных. Так, Андре Горц пишет: «Капитализм может устоять как капитализм знаний только в том случае, если он использует имеющийся в изобилии ресурс — человеческий интеллект, для того чтобы превратить это потенциальное изобилие в дефицит. Дефицит создается распылением знаний, помехами их распространению, обобществлению и закабаляющему принуждению к рыночному сбыту, которому подвергаются обладатели знаний» [Горц, 2010, с. 82]. Но отказавшись от частного использования в пользу «свободного», мы не вернем утраченное: мы все так же будем воспитывать в себе жадность, не только в отношении быстротечных вещей, но и в отношении чисел, идей, времени, мышления.

Показательно в этом отношении замечание Хатчинса: утверждая, что распределенное познание — это не особый вид познания, а перспектива всякого познания, он даже замечает: «Нет никаких экспериментальных данных или наблюдений, подтверждающих или опровергающих перспективу распределенного познания, поскольку сама по себе перспектива не предъявляет эмпирических требований» [Hutchins, 2014, p. 37]. Хатчинс понимает смену перспективы как самопонятный и безболезненный опыт. Тогда как настойчивость попыток использования вещей, обладающих значительным дистрибутивным потенциалом в качестве частных, показывает, что такой опыт вовсе не самоочевиден, и требует не только некоей метанойи, перемены ума, но и затратных преобразований. Так, А. А. Космарский, обсуждая две стратегии «блокчейнизации» научного знания — принудительное раскрытие «черных ящиков» в процессе производства знания и постепенное наращивание прозрачности посредством материальных стимулов — справедливо отмечает, что обе стратегии потребуют существенных и временных (финансовых) затрат, и инфраструктурных изменений [Космарский, 2019, с. 394–395].

Хотя высокотехнологичные решения явным образом бросают вызов нашей способности понимать природу распределенных вещей и создавать адекватные модели экономического и этического поведения в среде вещей, обладающих высоким потенциалом неизбытности, все же утверждать, повторимся, что этот вызов уникален для нашего времени, нельзя. Более того, нельзя даже утверждать, что умение находиться среди хорошо распределенных вещей присуще исключительно человеку. Шарль Летурно в книге «Эволюция собственности» отмечает: «Вообще сооружения птиц — представляют ли они собственность семьи или целого племени — имеют

главной целью доставить приют яйцам и птенцам. Существуют, однако, исключения из этого правила; таким исключением является, между прочим, постройка ставшей знаменитой райской птицы — курьезной *amblyornis inornata*, открытой в Новой Гвинее, постройка, сооружаемая для любовных походов. Этот “домик любви” имеет вид конического шалаша; у входа архитектор устраивает лужайку из мха, по которой разбрасывает разные яркие предметы: ягоды, семена, цветы, камешки, раковины и т. п. <...> Эти сооружения очень прочны и служат по нескольку лет, вероятно, разным птицам; птенцов в них не воспитывают: это просто дома любви» [Летурно, 2012, с. 11–12].

Как нам представляется, проблема не столько в том, чтобы изменить перспективу, то есть сознание, сколько в том, что сами распределенные вещи, не смотря на долговременное наше с ними сосуществование, плохо описаны. Отыскивая сведения о вогелькопском беседковом шалашнике (*amblyornis inornata*), мы столкнулись с таким описанием: шалашик этой птички играет роль хвоста у павлина, чем он больше, тем здоровее самец, следовательно, тем лучший это выбор для самки. Однако здесь мы имеем дело вовсе не с конкурентной моделью, а с распределенной. Вернее, шалашик используется не в модусе привычной нам отрицательной распределенности (исключительного права владения), а — в положительной, хотя и неупорядоченной. Шалашик не строится заново, он лишь украшается цветами, ягодами, кусочками угля или даже яркими пластиковыми пробками, которые служат не обозначением выигрыша в конкуренции, а явным признанием намерений. Самка шалашника оказывается не на вершине пирамиды, выбирая из наиболее достойных рефералов, а в распределенной сети, подчиняясь требованиям динамики распределения. Не разделяя редукционистской позиции Летурно, отметим, что дистрибутивные элементы мы будем обнаруживать в самых разных культурах — от уникальной формы партеногенеза бделлоидных коловраток и строений вогелькопского шалашника до обмена услугами в коучсёрфинге.

Важно также, что владея этими вещами, мы (мы-соседи⁵ и мы-распределенные изо дня в день пусть даже с самими собою, одним словом, мы-сети) принадлежим их способу распределенности. Не мы выбираем, как ими распорядиться, а они, так-то сформировавшиеся в своем обыкновении, заставляют нас входить в ту или иную сеть, совершая выбор. Распределенные вещи, наделенные некоторой динамической склонностью (к расширению, к сужению, к устойчивости), подчиняют себе и наше поведение. Сами по себе дрели (популярный пример шеринговой вещи) не подчиняют. Вещи, наделенные неизбывностью, способны что-то показывать, а именно, что «сам, себя», вместе с потребностями, навыками и опытом пребывания в сетях — это конструкция, ограниченная правилами сети. Склонность вещей к тому или иному дистрибутивному классу — это уже динамическая структура, которую необходимо описать более подробно.

⁵ Говоря о постиндустриальных соседских сетях, мы отмечаем важность равенства, сходства и добровольного самопричисления их участников. Эти специфические характеристики современных сетей, как и особенности создания социального капитала в них, отличают их от сетей архаических и традиционных общин как форм элементарной социально-экономической страховки, описанных Маршаллом Салинзом, Джеймсом Скоттом и Клиффордом Гирцем.

Динамика распределенных вещей. Соседство и богатство

Распределенные вещи можно разбить на три класса: всеобщей дистрибуции, частной, или единичной. Примером первой может служить счет (я умею считать и всякого, с кем имею дело, неплохо было бы научить тому же); второй — пресловутая дрель, которой можно владеть всем подъездом, но бессмысленно владеть ею всем городом, поскольку затраты на логистику будут многократно превышать стоимость новой; пример же единичной дистрибуции не так легко привести: это такое знание или такая вещь, которую можно разделить только с кем-то одним. То, что мы называем интимностью, или величайшим секретом, пожалуй, может помочь составить представление об этом классе вещей. И есть вещи с нулевым классом распределенности, когда мы имеем дело с заведомо непонятным и ничтожным, а есть и отрицательный класс. Примером последнего является травма, когда встреча с неким обстоятельством не расширяет горизонт возможного опыта, а существенно его ограничивает или отсекает. Но и сильная влюбленность, формирующаяся по принципу обладания (которую Эрих Фромм отличал от «плодотворной любви»⁶) принадлежит отрицательному классу распределенности эротических объектов, ведь и шансов на взаимность у сильно влюбленного меньше, чем у увлеченного в меру, и сменить объект влюбленности тоже трудно⁷.

Вещи *всеобщей* и *единичной* распределенности редки. О них трудно или невозможно рассказать. Ни с кем не разделенный опыт, вспомненное только однажды — множество таких предметов близко к пустому, во всяком случае, привести пример не так просто. Соотнесенность трансцендентально сущего и всеобщего требует, таким образом, дополнительной продуманности и, во всяком случае, принимать одно за другое значит упускать из виду адресность всякого послания. Шеллинг, критикуя Кантову идею общезначимости (на которой основан и концепт объективности, и конструкция категорического императива, которому подчиняются, по замыслу Канта, не только люди, но и все разумные существа), замечает: «Высшее именно потому, что оно таково, не всегда общезначимо <...> Когда в серьезной настроенности проступает ее божественное начало, добродетель являет себя как энтузиазм <...> как доверие, как упование на божественное, исключаящее всякий выбор» [Шеллинг, 1989, с. 138].

Здесь нас интересует, прежде всего, эта отмечаемая Шеллингом динамика дистрибутивности: добродетель не столько частым образом распределена, сколько *стремится* к такому распределению, принуждая к доброму или злему поступку. Правила дорожного движения не установлены повсеместно, но так они устроены, что не только ничто не препятствует их распространению, но и мы, пользующиеся этим изобретением, подчиняемся динамике распространения правил и там, где они не действуют, стремимся их установить. Если же мы сталкиваемся с заведомо

⁶ «Понятие плодотворной любви имеет мало общего с тем, что часто принято называть любовью. Вряд ли какое-нибудь другое слово окружено такой двусмысленностью и путаницей, как слово “любовь”. <...> Люди <...> называют любовью свою зависимость и свое собственничество. <...> Подлинная любовь коренится в плодотворности, и поэтому собственно может быть названа “плодотворной любовью”. <...> Хотя предметы любви различны, и соответственно различны глубина и качество любви к ним, определенные основные элементы присутствуют во всех формах плодотворной любви. Это — забота, ответственность, уважение и знание» [Фромм, 1992, с. 50].

⁷ Подробнее о классах дистрибутивности см.: [Малышкин, 2015, с. 57–59].

ограниченной распределенностью, то и она нас способна захватывать: когда нам становится известна некая тайна, то, независимо от того, выбалтываем мы ее или храним, наше поведение меняется, мы починаемся этой ограниченной динамике и приобретаем особую значимость в кругу посвященных.

Неизбывность распределенных вещей устанавливается в этом подчинении их динамике: двигаясь по силовым линиям, продиктованным классом дистрибутивности, к которому принадлежит та или иная вещь, мы обнаруживаем ту самую бездонность, неисчерпаемость вещей распределенных, каковая скрыта от нас, если мы упускаем из виду их динамику.

В этой близости неизбежным вещам формируются и собственно человеческие сообщества, здесь появляются соседство и отъединенность. Соседство создается вовсе не территориальной близостью, а высказанной нуждой, то есть призывом разделить заботу⁸. Реализуется оно благодаря сформированной сети упорядоченных в их дистрибуции предметов. С соседом мы соимеем множество: лестничную площадку, тишину за окном, исправное оборудование в подъезде и т. д. И это соимение, в свою очередь, не есть что-то данное, оно зависит от исправности вещей.

Если неизбежность сопровождается удачной логистикой, то появляется сообщество, в которое чужаку невозможно проникнуть извне. Граница между внутренним и внешним здесь проведена не пространственно (ведь могут быть в нашем подъезде люди, не вошедшие в эту сеть), но задана правилами сети, которые диктуются свойствами инструмента, потребностью в нем и существующим в данном сообществе доверием. Доверие здесь не зря поставлено на последнее место, ведь его можно попытаться и вовсе элиминировать, приняв жесткие правила нахождения в сети: дистрибутивная способность вещи в определенном смысле оказывается важнее навыков. Это преимущество оказывается особенно заметно, когда мы отказываемся от навыков, переходя из одной сети в другую: не ведем себя дома, как на работе, а в аудитории — как в спортзале⁹.

Отъединенность, интимность, как и соседство, создается признанием. Но если соседство — это призыв разделить нечто со многими, то интим — это требование ис-

---

⁸ Koen Frenkena и Juliet Schor даже называют новейшие формы шеринговой экономики «странным шерингом», поскольку исторически люди не особенно делились с чужаками, т. е. с теми, кто находился вне их социальной сети. Делились с теми, кому заведомо доверяли: членами семьи, друзьями и соседями. «Сегодняшние шеринговые платформы помогают делиться с незнакомцами, что более рискованно, и поделиться зачастую требуется наиболее интимным — домом, машиной, или употребляют пищу, приготовленную неизвестно кем» [Frenkena, Schor, 2017, p. 4]. Отчасти чуждость незнакомцев элиминируется отзывами и рейтингами, но лишь отчасти: как отмечают [Bulchand-Gidumal, Melián-González, p. 15], рейтинг почти всегда положительный, и однозначную стратегию поведения, которая раскрывала бы необходимую толщину правды о незнакомце в ситуации заведомо завышенных оценок выработать невозможно.

⁹ Среди ученых, исследующих институты экономики, существует полемика о том, в какой мере возможно — и желательно ли — редуцировать этический принцип доверия к юридической форме контракта, призванного обеспечить защиту от «оппортунистического поведения» контрагента (см.: [Аглетта, Орлеан, 2006, с. 53–55]). Диалектическим решением могло бы послужить гегелевское (или жижековское) «рефлексивное оборачивание»: жесткость существующих правил есть не «иное» нашего доверия, но само это доверие в объективированной, материализованной форме — правила «доверяют за нас», позволяя «нам самим» наслаждаться благами доверительной атмосферы...

ключительного владения, претензия на единичную дистрибутивность другого. Поскольку единичным образом распределенные вещи редки, постольку интимность избегает иллюзорности, прибегая к насилию: будь это принуждение нежностью или признание любви как права на насилие.

Соседи и любовники сплочены неизбежностью распределенных предметов: и дрель, находящаяся в распределенном пользовании, и признание личной и телесной исключительности предъявляют нечто такое, чему не установлены временные пределы, и недвусмысленно меняют жизненные обстоятельства к лучшему. И все же это два разных вида принуждения: принуждение неизбежностью распределенных вещей, и принуждение отъединенностью, переводящее предмет (избранника) из одного класса дистрибутивности в другой.

Заключение

Локк, обсуждая возникновение неравенства в обществе, в качестве единственной вещи, наделенной неизбежностью, называет возделанную землю. Деньги, имеющие стоимость только благодаря «молчаливому согласию», играют роль универсального консерванта, что позволяет человеку «честно иметь гораздо большее количество земли, нежели то, с которого он может использовать продукт» [Локк, 1988, с. 290]. Земля и золото в таком представлении оказываются предметом исключительно частной собственности, то есть естественной способности потребить плоды возделанной земли, а богатство и неравенство создаются по контракту. Проведенный нами анализ позволяет отметить, что в разговоре о шеринговой экономике этой триады (природа — труд — договор) уже недостаточно. Особый вид собственности, который появляется в экономике совместного потребления, — это вид принуждения, производимый при двух условиях: есть вещи, которые проявляют свою неизбежность в шеринговом владении, и сформировано соседство, подчиняющееся правилам обращения с этими вещами. Шеринговая собственность создается принуждением к ограниченному классу дистрибутивности. Эту ограниченность нельзя путать ни с единичностью частной собственности, ни с всеобщностью, усматриваемой в понятии общественно-политическом строя.

Очевидно, наш анализ не закончен и являет собой лишь предварительную попытку думать о хорошо распределенных вещах. Что есть шеринговая собственность в ее отличии от частной, каким образом циркулирует создаваемое в шеринговых формах владения богатство, насколько релевантны по отношению к нему понятия роста и убыли, как соотносятся между собою классы дистрибутивности и принуждение, исходящее от хорошо распределенных вещей, — все это вопросы, требующие дальнейшего продумывания.

Литература

- Аглиетта М., Орлеан А. Деньги: между насилием и доверием. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 365 с.
- Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2010. 208 с.
- Делез Ж. Лекции о Спинозе. 1978–1981. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.

Космарский А. А. Блокчейн для науки: революционные возможности, перспективы внедрения, потенциальные проблемы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 388–409. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/580> (дата обращения: 23.05.2019).

Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с.

Летурно Ш. Эволюция собственности. Изд. 2-е. М.: Книжный дом Либроком, 2012. 416 с.

Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.

Малышкин Е. В. Омонимия «я» и распределенное знание // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 54–64.

Марков А. Утрата полового размножения способствует появлению новых генов. URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/430610 (дата обращения: 29.05.2019).

Погоняйло А. Г. Мишель Фуко. История субъективности // Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. 677 с.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 312 с.

Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегиум, 1992. 253 с.

Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. 636 с.

Hutchins E. The Cultural Ecosystem of Human Cognition // Philosophical Psychology. 2014. Vol. 27. Iss. 1: Extended cognition: New philosophical perspectives. P. 34–49.

Frenkena K., Schor J. Putting the Sharing Economy into Perspective // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2017. Vol. 23. P. 3–10.

Bulchand-Gidumal J., Melián-González S. Why are Ratings so High in the Sharing Economy? Evidence Based on Guest Perspectives // Current Issues in Tourism, 2019. URL: DOI: 10.1080/13683500.2019.1602597 (дата обращения: 05.04.2019).

Quote Investigator. URL: <https://quoteinvestigator.com/2011/12/13/swap-ideas> (дата обращения: 29.05.2019).

Undepletable of Distributed Things: Neighborhood and Wealth

EVGENII V. MALYSHKIN

Professor, Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: malyshkin@yandex.ru

JULIA GAFAROVA

Associate professor, Belarusian State University,
Minsk, Belarus
e-mail: gafarova@tut.by

ALEKSANDR A. POGREBNIAK

Associate professor, Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: aapogrebnyak@gmail.com

The article is devoted to the study of the concept of a sharing economy. The concepts of distribution and non-availability are used for thematization of the method of analyzing economic structures. Distributivity (a relationship arising in a shared-consumption economy) is interpreted as the essential characteristic

of things that dictates the forms of social relations. A detailed definition of well-distributed things is proposed. The ability of things to act as distributed has both pragmatic appeal and special dynamics, which depends on the class to which the distributed thing belongs. Classes of distributive things are briefly described. Universal and individual classes are very rare, and a special, limited class of distributivity allows the formation of sharing networks. It is shown in what sense the right of exclusive ownership depends on the negative class of distributivity. The very property of distributed things not to decrease in sharing, undepletability, should be distinguished from the concept of a resource. The resource acts as a matter for the relative autonomy of economic relations, undepletability dictates the rules by which relations are built within the sharing network. It is shown in what sense the source of wealth in the economy of joint consumption relates to undepletability. The conditions under which the sharing forms of economic relations exhibit the undepletability of things are described as proximity, separation, and care.

Keywords: sharing economy, economy of joint consumption, distribution, classes of distributivity, undepletability.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Belarusian Republican Foundation of Basic Research and Russian Foundation of Basic Research (BRFBR–RFBR) according to the common research grant No. 18-511-00018 Бел_а, № Г18Р-181.

References

Aglietta M., Orlean, A. (2006). *Den'gi: mezhdru nasiliem i doveriem* [The Money: Between Debts and Sovereignty], Moskva: Izd-vo Vysshey shkoly ekonomiki, 365 p. (in Russian).

Bulchand-Gidumal, J., Melián-González, S. (2019). “Why are Ratings so High in the Sharing Economy? Evidence Based on Guest Perspectives”, *Current Issues in Tourism*. Available at: DOI: 10.1080/13683500.2019.1602597 (date accessed: 05.04.2019).

Deleuze G. (2016). *Lektsii o Spinoze. 1978–1981* [Spinoza 1978–1981], Moskva: Ad Marginem Press, 216 p. (in Russian).

Frenkena K, Schor, J. (2017). “Putting the Sharing Economy into Perspective”, *Environmental Innovation and Societal Transitions*, vol. 23, pp. 3–10.

Fromm E. (1992). *Chelovek dlya sebya. Issledovaniye psikhologicheskikh problem etiki* [Man for Himself. An Inquiry into the Psychology of Ethics], Minsk: Kollegium, 253 p. (in Russian).

Gorz A. (2010). *Nematerial'noe. Znaniye, stoimost' i kapital* [The Immaterial: Knowledge, Value and Capital], Moskva: Izdvo Vysshey shkoly ekonomiki, 208 p. (in Russian).

Hutchins E. (2014). “The Cultural Ecosystem of Human Cognition”, *Philosophical Psychology*, vol. 27, no. 1, pp. 34–49.

Kosmarskii A. A. (2019). *Blokcheyn dlya nauki: revoliutsionnye vozmozhnosti, perspektivy vnedreniya, potentsial'nyye problemy* [Blockchain for science: revolutionary opportunities, implementation prospects, potential issues], in: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2. Available at <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/580> (date accessed: 23.05.2019) (in Russian).

Leibniz G. V. (1984). *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [A Collection in Four Volumes], vol. 3, Moskva: Mysl', 374 p. (in Russian).

Létourneau Ch. (2012). *Evolutsiya sobstvennosti* [The Evolution of Property], Moskva: Knizhnyy dom Librokom, 416 p. (in Russian).

Locke J. (1988). “Dva traktata o pravlenii” [Two Treatises of Government], in: Locke, J. *Sochineniya v trekh tomakh*, Moskva: Mysl' (in Russian).

Malyshkin E. V. (2015). “Omonimiya «ya» i raspredelennoye znaniye” [Homonymy of “I” and Distributive Knowledge], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, vol. 32, no. 4, pp. 54–64 (in Russian).

Markov A. (2007). “Utrata polovogo razmnozheniya sposobstvuet poiavleniyu novykh genov” [Sexual Reproduction Loss Contributes to the Emergence of New Genes], *Elements*. Available at: https://elementy.ru/novosti_nauki/430610 (date accessed: 29.05.2019) (in Russian).

Pogonyaylo A. G. (2007). “Michel Foucault. Istoriya sub’ektivnosti” [Michel Foucault. The History of Subjectivity], in: Foucault, M. *Germenevtika sub’ekta*, S.-Peterburg: Nauka, p. 667 (in Russian).

Polanyi K. (2002). *Velikaya transformatsiya: politicheskiye i ekonomicheskiye istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], S.-Peterburg: Aletheia, 312 p. (in Russian).

Quote Investigator. Available at: <https://quoteinvestigator.com/2011/12/13/swap-ideas> (date accessed: 29.05.2019).

Schelling F. W. J. (1989). “Filosofskiye issledovaniya o sushchnosti chelovecheskoy svobody i svyazannykh s ney predmetakh” [Philosophical Inquiries into the Essence of Human Freedom], in Schelling F. W. J. *Sochineniya v dvukh tomakh*, t. 2, Moskva: Mysl’ (in Russian).